

Тот день на закате походил на размытую пленку, свет был настолько мягким, что казалось, будто объектив потерял фокус.

Когда съемка подошла к концу, члены фотоклуба стали постепенно расходиться. Лунь убрал камеру в сумку — его движения, как всегда, были тихими и размеренными. Сяо-Минь осталась у окна, помогая вытереть капли воды с штатива — они остались после дневной выездной съемки.

— Сегодня отлично снимали, — он повернул голову, глядя на темнеющее за окном небо. — То, как ты стояла в лучах света, выглядело гораздо естественнее, чем в прошлый раз.

— Наверное, просто погода была подходящая, — тихо рассмеялась Сяо-Минь. На самом деле ей хотелось сказать: «Наверное, дело в том, что ты был рядом», но слова так и остались невысказанными, застряв в горле.

Лунь кивнул и застегнул молнию на сумке.

— Пойду попрошу тряпочку для протирки объектива.

Он повернулся и вышел из помещения клуба. Сяо-Минь проводила взглядом его удаляющуюся спину, и на сердце у нее нахлынуло легкое помутнение. Эта фигура всегда была такой невозмутимой, никогда не выдавая лишних эмоций.

Она обернулась, собрала оставшиеся вещи и заперла дверь. Небо окончательно окрасилось в желтоватые тона, в коридоре одна за другой загорались лампы. Прижав к груди ноутбук, она медленно зашагала по просторному коридору к выходу.

Проходя поворот, она машинально подняла голову. В тот же миг ее взору предстала знакомая фигура: Лунь выходил из женского туалета.

Она инстинктивно замерла, шаги оборвались.

Расстояние было небольшим, около десяти метров. Он не заметил ее, опустив голову и вытирая руки о манжеты рукавов, его взгляд был спокойно устремлен вперед — точно так же ведет себя любой человек, только что вымывший руки и собирающийся уходить.

Дверь за его спиной медленно закрылась. Белый фон и синие символы вывески отчетливо выделялись на свету, надпись «Женский туалет» четко отпечаталась на стене. Эта картина выглядела настолько неуместно и непредсказуемо, что кончики пальцев Сяо-Минь слегка онемели, а в голове образовалась пустота.

Ей хотелось окликнуть его по имени, но воздух в горле перекрыл голос, и вырвался лишь еле слышный вздох.

Лунь, казалось, что-то услышал, на мгновение скосил глаза, но ее не заметил. Тут же надев наушники, он неторопливой поступью удалился, как и всегда.

Во всем коридоре оставался лишь мертвенно-белый свет.

Дыхание вернулось к ней только тогда, когда он ушел далеко. Руки по-прежнему судорожно прижимали ноутбук, а на ладонях выступил холодный пот.

Образ прокручивался в голове снова и снова: та дверь, та табличка, то движение.

Все зацепки были до боли очевидны и неоспоримы, но при этом напрочь лишены хоть какого-то разумного объяснения.

Она не помнила, как покинула тот коридор. Опомнилась она лишь тогда, когда оказалась перед входом в общежитие.

Комната была пуста. Опустив ноутбук на стол, она все еще чувствовала, как мелко дрожат пальцы.

В фоторамке на столе стоял первый снимок, который Лунь сделал для нее — яркое солнце и ее взгляд, устремленный в сторону от объектива. Тогда она верила, что быть запечатленной на пленку означает быть понятой.

Но в этот миг она впервые ощутила дистанцию в этом «взгляде». Телефон коротко звякнул. Высветилось сообщение: «Фотографии готовы, завтра принесу показать».

Отправитель: Лунь.

Она долго смотрела на это имя.

Свет экрана отражался в ее глазах, но не мог осветить ответ.

Снаружи дул ветер, окно общежития слегка покачивалось. Огни города двоились в стекле — расфокусированные и зыбкие.

Она села, выдвинула ящик и достала дневник. Кончик ручки долго застыл над бумагой, прежде чем она медленно вывела: «Мне казалось, мир предельно ясен, но теперь он начинает покрываться зыбким светом».